

Сильные и слабые стороны российской аналитики в управлении конфликтом (взгляд того, кто «работает против» аналитиков)

Денисов А.А.

Специальная информационная сеть «Лабиринт»

Опубликовано: газета «Знание – власть», № 32 (632), декабрь 2013 г.

Вряд ли кого-либо удивит утверждение, что Россия, как и весь мир, находится в тяжелейшем кризисе, из которого нет выхода без громадных потерь и жертв, кои должны быть выплачены «матери-Истории». А вот факт, что принести эти жертвы придется не только рядовым гражданам, но – в первую очередь, и главным образом – элитам, получившим свои состояния или социальный статус в последние 25-30 лет, стал очень неприятной неожиданностью. Причем 2013 год показал: уклониться от такого «налога» не удастся.

В частности (и это очень неприятная для многих тема!), государства, которые не смогут максимально быстро и максимально полно собрать налоги со своих граждан, включая богатых и самых богатых, не смогут выжить. А с точки зрения «мировой закулисы» такие государства вообще не имеют права на существование.

Можно привести множество других признаков того, что мир необратимо изменился. И шансы, что «все рассосется», что-нибудь придумают, произойдет чудо – нулевые.

Но что же делать? То есть что **конкретно** нужно делать в этой ситуации?

Первый шаг уже назван: собрать налоги. Со всех! Проблема России не в коррупции, а в налогах, которые нужно собирать со всех и без исключений. Причем с богатых – больше, чем с остальных. И никуда они не убегут: «там» их еще больше «общипят», как Полонского.

Мы с вами не собираем налоги, и напрямую – это не наш вопрос. Однако, обсуждая слабости аналитики в управлении современным конфликтом, мы должны, прежде всего, понимать, что конфликт сегодня выстраивается вокруг центральной задачи выживания современного государства как такового – сбора налогов. Причем, если удастся, то собрать налоги нужно и с граждан других стран, как это стараются сделать власти США и ЕС.

Итак, самая главная слабость российской аналитики – отсутствие прямой постановки задачи выживания государства. Раньше страны воевали друг с другом ради захвата территорий, населения, природных богатств, или просто для уничтожения противника. Сегодня – ради сбора налогов с граждан, корпораций и банков.

Российское руководство в настоящее время не может открыто сформулировать эту задачу по внутривнутриполитическим причинам. Все отряды элит РФ сверху донизу выстроены под схему управления крупной собственностью, по которой правообладание ею в обязательном порядке должно быть привязано к международной юрисдикции (эта система сложилась еще в 70-е годы XX века по приказу ЦК КПСС). Иными словами, указанная постановка задачи выживания государства означает необходимость открытой декларации полного технического уничтожения всех отрядов российских элит.

Можно ли об этом объявить публично? Да, если пришло время. Но сделано это должно быть устами не чиновника или политика, а какого-нибудь писателя или ученого. Такова старая советская традиция (sic!).

А второй шаг, после сбора налогов, столь же конкретен, как и первый: построение новой системы информационного обеспечения политического и военно-политического управления страны.

Все, что будет сказано далее, наверняка будет идти вразрез с устоявшимися представлениями в экспертном сообществе РФ. Чтобы не вызвать неуместного пессимизма, предлагаем сперва обсудить ряд слабостей российской аналитики, а затем – ее сильные стороны, иллюстрирующие реальные перспективы прорыва.

Итак, **первая слабость**. Вся российская аналитика раздроблена на «площадки», каждая из которых, в свою очередь, привязана к интересам разных групп олигархов, «силовиков» и госбюрократии, объединенных в обособленные конгломераты. Это означает, что аналитики каждого такого конгломерата не могут выйти за рамки разрешенного дискурса. Не имеют права называть некоторые вещи своими именами, рассматривать определенные темы и т.д. Причем разрешенный для данной «площадки» дискурс складывался не менее 25 лет, и теперь для самих аналитиков внутренне крайне дискомфортно нарушать табу.

Потому в США, Японии и КНР, где действуют точно такие же обособленные конгломераты, для того чтобы заставить аналитиков изменить дискурс, вынуждены прибегать к тотальным чисткам экспертных площадок. В России требуется то же самое, и этот процесс уже начался. Иными словами, аналитика в РФ входит в период, когда устоявшийся авторитет эксперта или «площадки» являются ключевыми признаками для чистки.

Осознать такое положение дел крайне болезненно. Исправить, повернуть вспять – невозможно. Можно лишь игнорировать. Но игнорирование служит основой для сокращения теперь уже всего конгломерата, который включает в себя данную экспертную «площадку». Логика принятия решения по подавлению такого конгломерата проста: он, дескать, не может осознать реалии современной действительности, и потому стал опасен для союзников. Конгломерат лишается внешней поддержки и подвергается быстрому разграблению со стороны своих естественных конкурентов – других конгломератов.

С этой проблемой раньше России столкнулись многие украинские конгломераты. И во всех подобных случаях причина одна – экспертные «площадки», обеспечивающие выживание своих конгломератов, не модернизируются.

Обратный пример – быстрое усиление главы Чечни Р. Кадырова, которое началось несколько лет назад с того, что источники его информационно-аналитического обеспечения показали удивившую тогда многих способность к восприятию новых технологий.

Итак, первая слабость аналитики в РФ – устоявшийся авторитет и связанная с ним жесткая включенность ведущих экспертов и аналитиков в системы отношений. В результате источник силы аналитиков и экспертов – влияние – стал их главной слабостью.

Вторая слабость состоит в неправильном понимании исторического наследия, из которого выросли сами эксперты и аналитики как профессионалы. Бытует мнение, что в РФ, как и в СССР, бюрократия является правящим классом. Другой вариант этого тезиса – ни в СССР, ни в России не было и нет правящего класса, и все, что здесь происходило и происходит, определяется тем, что РФ, как и ранее Союз, полностью подчиняется приказам правящего класса Запада. По существу, это два варианта одной и той же ошибки.

Если говорить упрощенно, бюрократия – сословие контролеров, проверяющих модели поведения людей и организаций на соответствие спискам разрешенных и запрещенных моделей поведения, на которых основана жизнь общества. При этом контролеры не имеют права формировать сами списки. Списки моделей поведения, читай – фундаментальные правила игры, создающие общество, задает правящий класс.

Иными словами, бюрократия не может быть правящим классом. (Правящим классом не могут быть и владельцы крупных состояний – в силу социальной примитивности их интересов и узкого эгоизма действий.)

Таким образом, даже самый высокопоставленный бюрократ, став экспертом или создав «аналитическую структуру», не имеет знаний о том, как задаются и внедряются изменения в списки разрешенных и запрещенных моделей поведения. Он никогда не касался технологий изменения правил игры, создающих общество.

Российская аналитика совершенно не понимает этой тонкости. И как следствие, не знает, что существует два различных стандарта информационных документов.

В аналитике РФ абсолютно доминирует лишь один стандарт, который и получил название «анализ». Он основан на движении документов *снизу вверх*. Т.е. на изучении отдельных фактов с оценкой достоверности источника информации. Далее документы

обобщаются, усложняются по структуре тем, но сохраняют родовой признак этого стандарта: указание и оценку достоверности источника, которую перепроверяет «старший уровень».

Другой стандарт основан на движении документов *сверху вниз*. Он базируется на краткой схеме ситуации без ее оценки, без прогноза развития и без указания источников информации. Источником является группа, выпускающая такой документ.

Так работал ЦК КПСС: закрытые письма ЦК и т.п. Но к моменту прихода к власти М. Горбачева вся технология генерации и управления потоками документов второго стандарта была «спрятана»: партия готовилась к «особому периоду» и переходу на нелегальное положение (активная подготовка к этому переходу началась примерно в 1972 г.).

Хорошо известен факт, что разведка и аналитика всегда действуют в условиях огромных потоков информации. Задача – «выловить» значимую информацию и проверить достоверность ее источника. Однако при этом любой руководитель принимает решения в условиях катастрофического дефицита информации. Сопоставление одного и другого служит наглядной иллюстрацией тезиса, что практически весь документопоток, предлагаемый аналитической службой, руководителю не нужен. Не нужен потому, что руководитель должен принимать решения на основе совершенно иного стандарта документов, позволяющих ему оценить ситуацию в ключе, соответствующем его потребностям.

Таким образом, вторая слабость российской аналитики состоит в полном отсутствии людей, имеющих знания и опыт работы с технологиями генерации документов информобеспечения стратегического управления на основе второго стандарта. Для эффективного принятия политических, экономических и военных решений документопоток, создаваемый нынешней аналитикой, не применим. Отсюда – признанный «наверху» факт, что политическая аналитика в стране отсутствует или предельно слаба.

Третья слабость российской аналитики происходит из того, что в российском аналитическом сообществе огромную роль играют выходцы либо люди, связанные со спецслужбами и военной разведкой. Однако в СССР были строгие законы, ограничивавшие аналитическую деятельность КГБ и ГРУ. Например, КГБ законом запрещалось проведение политической и идеологической работы на территории Союза. Было запрещено проведение политических, в том числе подрывных, акций за рубежом. КГБ не имел права заниматься аналитической работой по своим материалам, а был обязан передавать в ЦК КПСС и другие организации только чистые факты, без всяких анализов и выводов. Последним занимался ЦК – главная спецслужба Советского Союза.

В качестве иллюстрации к сказанному напомним один факт. С февраля 1921 г. Ф. Дзержинский был назначен наркомом путей сообщения. Но под прикрытием борьбы с массовыми хищениями на железной дороге на базе НКПС была создана мощная внутренняя политическая разведка – с целью своевременного выявления угроз военных переворотов, политического саботажа и иных антисоветских заговоров. С февраля 1934 г. эту разведслужбу возглавил Л. Каганович, совместив руководство ею с руководством Комиссией партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б), т.е. партийной контрразведкой.

Третья слабость аналитики состоит в том, что в основе российского аналитического сообщества не лежат советские традиции и опыт создания и управления системой анализа и систематизации информации по политической и военно-политической ситуации в стране. Нет и не было кадров. Нет и не было соответствующих оргтехнологий. И т.д.

Четвертая слабость. В октябре 2007 г. В. Лефевр представил в Москве свою новую технологию управления поведением выбора в так называемых полисубъектных средах. Т.е. в ситуациях, когда существует много различных акторов, которые к тому же все друг на друга влияют, пытаясь провести выгодные им решения.

Лефевр и его сотрудники тестировали эту технологию 10 лет. Но целью тестирования было добиться не просто проверки ее достоверности и эффективности. Задача была поставлена иначе: превзойти эффективность экспертного сообщества. Так, если оценка

ситуации на основе работы с экспертным сообществом дает достоверность в 12%, то новая технология Лефевра должна была надежно давать 12,5%. Они этого достигли.

Замечательный успех Лефевра и его коллег создал абсолютно новую ситуацию в управлении конфликтами. Сегодня для управления конфликтом нет необходимости в существовании экспертного/аналитического сообщества. Более того, если это сообщество существует и активно влияет на принятие решений, оно дает заведомо худшую оценку ситуации, чем лефевровская технология, гарантируя «своим» стратегический проигрыш.

Таким образом, четвертая слабость аналитики в России состоит в том, что сам факт существования организованного аналитического сообщества вследствие технологического прогресса стал причиной стратегических поражений руководства страны (в условиях конфликта с противником, обладающим опытными кадрами, работающими в полисубъектных средах). Причем это поражение гарантировано даже при наилучшей организации и кадровом оснащении аналитического/экспертного сообщества (*sic!*).

Пятая слабость российской аналитики – так называемая «вовлеченность» аналитиков. Иными словами, нормальный российский аналитик считает своим долгом занять «позицию», «принять сторону». Это наследие советской власти, когда каждый гражданин был либо с нами, либо против нас. Помните – с кем вы, деятели науки?

Для политической и идеологической идентификации это правильно. Но для оценки ситуации в условиях многовекторного конфликта и сверхкритической неопределенности это – катастрофа. Не зря недавно в Йельском университете США был опубликован отчет по исследованию влияния вовлеченности аналитиков на их эффективность. Оказалось, что чем выше уровень вовлеченности, тем хуже качество аналитической оценки.

Идеал аналитического центра – полная социальная изоляция. Причем технология полной изоляции была отработана **в России**. Американцы только перепроверяли достигнутые нами результаты. И полностью подтвердили их.

Итак, пять слабостей. На самом деле их больше, но пять названных – основные. Будучи сложенными вместе, они не оставляют никакого шанса на сохранение status quo. Радикальная перестройка всей системы российской аналитики абсолютно неизбежна.

Однако у аналитического сообщества РФ есть и сильные стороны.

Первая и самая важная сильная сторона – русский язык. Он отличается от других «живых» языков тем, что каждое слово имеет множество порой прямо противоположных смыслов. А также огромное количество суффиксов, префиксов и пр. В условиях сегодняшнего мирового кризиса и порожденного им бешеного потока неопределенностей, выходящих за рамки любых известных теорий и представлений, русский язык позволяет сформулировать понимание, действуя практически вовне вербального смысла слов и фраз.

По опыту – это огромное преимущество. Американцы уже много лет пытаются скопировать некоторые российские оргтехнологии. В частности, ЦРУ еще в 2010 г. приняло абсолютно «неконвенциональное» решение размещать аналитические центры на территориях значимых для США стран (разведчики оценят всю необычность этого решения!). Но споткнулись на языковых особенностях русского языка, и, насколько известно, пока так и не смогли воспроизвести эффективности, полученной в российской технологии. Кажется, они даже не поняли причины своих неудач.

Вторая сильная сторона. Несмотря на страшную «кровавую гэбню», Россия – одна из самых свободных стран. Мы можем обсуждать практически любые темы почти под любым углом зрения. Ничего подобного нет ни в США, ни в Китае, ни в Японии, ни в других странах. У нас почти нет запретных тем. Исключая ограничения, которые несут сами аналитики вследствие их вовлеченности в деятельность локальных конгломератов, о которых шла речь выше. Но это – не диктат режима, а проблема ближнего окружения.

Американцы не могут обсуждать «11 сентября», китайцы – Тяньаньмэнь-1989, немцы – «нацистский интернационал». Не принято, неприлично. Да и ФБР/МГБ всегда рядом. А у нас в социальной и политической культуре таких ограничений нет. И это – исключительное преимущество российского аналитического сообщества.

В результате в условиях нынешнего кризиса, когда все известные теории и концепции рухнули, а новых еще нет, та страна, которая раньше других и более широким фронтом начнет поиск и обсуждение новых объяснений происходящего (исключив все мыслимые ограничения на темы и точки зрения), выиграет гонку за понимание, создав тем самым новые контуры управления и власти. И выйдя победительницей из кризиса.

Третья сильная сторона. Выше упоминалась технология Лефевра, уничтожившая смысл существования аналитического/экспертного сообщества. Однако дело в том, что одновременно с лефевровской технологией в России была создана и оттестирована (тоже в течение 10 лет) новая технология управления конфликтом, связанная с интеграцией «живых» сознаний людей с программно-техническими комплексами. Фактически – прототип живых суперкомпьютеров.

В 2008 г. обе технологии прошли полевые испытания. В условиях реального военного конфликта столкнулись две системы аналитических и операционных центров: с одной стороны – на основе лефевровских технологий, с другой – на базе российских. Российские технологии выиграли, перехватив управление конфликтом.

Впоследствии российские технологии прошли усложнение и усовершенствования, позволяющие сделать их основой принципиально новой системы военно-политического управления страной. Эта система подразумевает широкую вовлеченность аналитического сообщества, с учетом исправления названных выше слабых сторон и наличия – сильных.

Иными словами, сегодня все готово для радикального технологического прорыва в области информационно-аналитического обеспечения управления конфликтом в условиях нынешнего кризиса.

Все, что было отмечено выше – лишь малая часть технологических приготовлений, сделанных в последние годы в нашей стране. И как бы ни ругали российскую власть за косность и пр., практика показывает, что руководство РФ полностью осознает значимость проведенных приготовлений и само готово к изменениям. Дело, как говорится, за нами.